

Бондаревская Светлана

ПЕТЛЯ
ВРЕМЕНИ

16+

Светлана Бондаревская

Петля времени

«Автор»

2018

Бондаревская С.

Петля времени / С. Бондаревская — «Автор», 2018

Джон побеждает на выборах президента колледжа. В день своей вечеринки он попадает в далёкое будущее, в мир после ядерной войны, где каждый день – это борьба за выживание. В поисках пути возвращения домой он узнает, что виновник всех бед – он сам. Джон понимает, зачем время его отправило сюда, и обещает всё исправить. Вместе с Анной, девушкой из деревни, приютившей путешественника, он отправляется в Китай на поиски города Вечных. Удастся ли Джону вернуться в своё время и не разрушить мир в ядерном апокалипсисе? Поймёт ли он причину своих поступков? В оформлении обложки использована фотография с сайта pixabay.

© Бондаревская С., 2018

© Автор, 2018

Светлана Бондаревская

Петля времени

Что значит быть ребёнком в семье политиков, Джон знал с самого детства. Его отец, известный сенатор, с ранних лет учил своего сына всем тонкостям политической жизни. Ни одни выборы не обходились без обаятельной улыбки Джона. Его милое детское лицо смотрело почти со всех предвыборных плакатов отца. Привыкший к камерам, софитам и повышенному вниманию к себе, Джон рос высокомерным и наглым ребёнком. Он не обращал внимания ни на чьи чувства, мог с лёгкостью обидеть даже самых близких друзей, которых с каждым днём становилось у него всё меньше и меньше. Джон прекрасно разбирался в людях и умело манипулировал ими. Без больших затрат или потерь он мог получить желаемое в короткие сроки.

Начиная с младшей школы, Джон продвигался по своей пока ещё маленькой политической лестнице. Его талант руководить людьми удивлял даже отца. В старшей школе Джон без труда занял пост президента с перевыборами на второй срок. За ним шли не только ученики, но и учителя школы. Ничего не изменилось, когда Джон поступил в колледж. Он был снова в центре событий и объектом девичьих страданий. Ещё со старшей школы, когда подростковые гормоны плещутся через край, Джон был не обделён женским вниманием. Девушки ходили за ним толпами, преследовали практически везде. Одним мановением пальца он мог подозвать к себе любую из них и так же легко бросить. Он не заботился ни о чьих чувствах, он шёл по осколкам сердец и ни разу не поранил своего.

Друзей у молодого человека было много, вернее тех, кто так себя называл. Пока они подчинялись Джону и были ему полезны, он держал их возле себя. Никого из всех этих прихлебателей – так отзывался отец Джона о его друзьях – Джон своим другом не считал. Он знал, что они завидовали ему и были рядом из—за тени популярности, попадавшей на них.

Всё же в его жизни были два человека кроме родителей, которых он по—настоящему любил. Со своей младшей сестрой Кети Джон нянчился с самого детства. Все праздники для неё он устраивал сам. Все подарки покупал только те, которые Кети хотела: кукольный домик – значит кукольный домик, игрушечный пони – значит его. Джон очень заботился о малышке, окружая её своим теплом. Рядом с ней Джон становился совсем другим человеком. Маленькая Кети отвечала ему такой же беззаветной любовью. Она и дня не могла прожить без своего брата. Порой родители, сами того не осознавая, очень ревновали отношение детей друг к другу.

Второй любовью, а скорее настоящей дружбой, для Джона стала соседская девочка Саманта. Они дружили всю свою жизнь с самого раннего детства. Сколько себя помнил Джон, он помнил рядом с собой и её. Только с ней Джон мог быть откровенным, настоящим. Саманта не была красавицей, и Джон никогда не рассматривал её в качестве своей девушки. Он смотрел на неё как на друга, партнёра, советника. Саманта ничуть не обижалась на это, вернее она делала вид, что ей всё равно. Будучи умной девушкой, она просто ждала момента, а не вешалась на Джона, уподобляясь красоткам с колледжа. Саманта действительно была умна. Она многое схватывала на лету, не заучивала наизусть уроки и обладала тонким аналитическим умом. Она часто помогала Джону в его политических играх. Именно она писала ему все предвыборные речи, которые хвалил даже отец Джона – Майкл Олдсен. Именно она составляла все президентские программы Джона, отражающие насущные проблемы школы и колледжа. Именно ей Джон был обязан своим успехом, большей его частью.

Уже в самом начале учебы она выдвинула кандидатуру Джона на пост президента колледжа. Саманта знала как важна для его семьи эта роль их сына. Девушка уговорила его уйти из футбола на пике славы и полностью посвятить себя этой должности. Джон практически не сопротивлялся ей. Конечно, у Саманты были и свои мотивы поддерживать его во всём. Она тоже была нацелена на власть. Политическая карьера манила девушку своими красными

дорожками узких коридоров Белого дома, а с Джоном попасть туда было гораздо быстрее и проще.

Джон всё ещё жил в доме родителей, хотя мог позволить себе жить отдельно. К своим девятнадцать годам он имел на счету ни одну сотню тысяч долларов. Но две причины не позволяли ему это сделать. Первая причина – это его младшая сестра, а вторая – это отцовский спорткар, на котором Джон частенько красовался возле колледжа.

Вот и сегодня, сидя в отцовском спорткаре, Джон обдумывал свой разговор с тренером. Он должен сказать ему, что уходит из футбола. Должен сказать так, чтобы заполучить его в свои друзья, а не нажить большую армию врагов в лице футбольной команды. После тренировки, которая прошла очень плохо, и тренер постоянно кричал на Джона за его промахи, молодой человек спокойно ожидал в раздевалке спланированного разговора. Тренер ворвался в комнату, хлопнув дверью, но ни один мускул не дрогнул на лице Джона при его виде. Он одиноко сидел на скамейке и крутил в руках свой шлем. Молодой человек очень долго тренировался и не мог допустить ошибок.

– Джон, что с тобой такое сегодня? – в ярости прокричал тренер с порога. – У нас через месяц матч, а ты бегаешь по полю как беременная корова! Если и следующая твоя тренировка пройдет так же, то на поле на матч выйдет Бишоп!

Джон печально поднял взгляд на тренера и, как бы приглашая его присесть рядом, подвинулся на скамейке.

– У тебя что—то случилось? Ты заболел? – взволнованно спросил мужчина.

– Нет с этим всё в порядке, – тихо ответил Джон. – Но мне нужен ваш совет как наставника, как друга, как тренера, – Джон специально сделал акцент на слове «друг», чтоб поглубже зацепить чувства рядом сидящего человека.

– Я слушаю, мой мальчик.

– Дело в том, что я сейчас стою на пути выбора двух дорог с отличными возможностями. И эти дороги, взаимоисключающие друг друга, – Джон сделал паузу для большей важности момента. – Я могу пойти по дороге спорта. Сделать карьеру в футболе. Я могу стать политиком как мой отец, – Джон очень старался правильно донести свою мысль.

– Я не понимаю тебя, мой мальчик, – виновато сказал тренер.

Джон тяжело вздохнул.

– Я подал заявку на участие в выборах президента колледжа. А вы прекрасно понимаете, что эта должность исключает мою игру. У меня не будет времени на всё. И я буду плохо выполнять свою работу на поле и в кресле, – тренер согласно кивал головой, всё ещё не понимая, к чему ведёт Джон. – Но, с другой стороны, я не хочу уходить из спорта. Ведь здесь я смогу добиться очень хороших результатов и играть в высшей лиге.

– Да! У тебя есть все данные для этого, – согласился тренер.

– Вот я всё и взвешиваю теперь. И там, и там я смогу сделать карьеру, успешную карьеру. Но что мне выбрать? – Джон не дал ответить тренеру на этот вопрос. – Карьера в футболе будет недолгой, максимум до тридцати пяти лет. А что потом? Как вы возитесь с детьми? – тренер вопросительно посмотрел на него. – Я не такой как вы. Я не люблю детей! Это вы самый лучший человек и так нас любите, – горячо сказал Джон, зная на какие чувства этого человека нужно надавить.

– О, мой мальчик, – тренер обнял его, даже не услышав всего подтекста этих слов.

– Карьера политика тоже может быть короткой, мы знаем сотни таких примеров. Но я не один из этих неудачников, – Джон не останавливался. Тренер сам ему должен сказать, чтобы он выбрал политику. И Джон все ближе и ближе подводил к этому разговор. – Сейчас я буду президентом колледжа и смогу влиять на некоторые решения. Я, например, хочу добавить спортивных часов и пересмотреть рацион питания, о котором вы так часто говорили, тренер.

– Это правильно! Очень правильно!

– А эта вторая кандидат Ребекка Бласер хочет ввести уроки музыки за счёт спортивных занятий. Музыка, тренер! Как вам это?

– Как?

– Да! Я ничего против музыки не имею, но не за счёт спорта! Я верно мыслю, тренер? – Джон уже сам загорелся своей речью, и его было не остановить.

– Конечно, Джон. Ты же умный мальчик, – воскликнул мужчина. – Уроки музыки! Да я ни одного своего часа не отдам этой музыке.

– Правильно! Главное – это хорошая физическая форма, – Джон уже мерил раздевалку шагами, эмоционально размахивая руками при ходьбе.

Тренер наблюдал за ним с уже принятым решением.

– Но я же не могу подвести свою команду! Как я могу уйти сейчас? Конечно, Бишоп отличный игрок, но он не я. И, если я уйду сейчас, меня возненавидят и скажут, что я предал их накануне больших матчей.

Тренер встал. Он подошёл к Джону и словно сына обнял его за плечи.

– За это не переживай. У нас достаточно времени, чтобы натаскать этого мальчика. А ты иди и не отдавай мои часы этой музыке. Иди и сражайся там, а я буду здесь! – тренер показал пальцем в пол.

Джон улыбнулся. Всё получилось, как он и хотел.

– И вся команда будет голосовать за тебя. Это я тебе обещаю, сынок, – сильные объятия тренера заставили Джона издать невольный стон. – Мы все поддержим тебя, – тренер похлопал Джона по спине.

– Спасибо, – ответил он чуть не плача.

Джон заполучил себе очень большое количество голосов на выборах, почти ничего не делая. Когда они прошли и были объявлены результаты, то даже он сам удивился им. Почти все проголосовали за него. Джон победил с огромным отрывом от своей конкурентки.

– Саманта, стой! – Джон окликнул девушку, вышедшую из аудитории. – Сегодня у меня вечеринка дома, но мы должны написать с тобой речь на завтрашнее мероприятие в честь меня.

– И что ты хочешь? – с лёгким раздражением спросила Саманта, она то уже знала ответ.

– Чтоб ты пришла писать речь.

– Хорошо, Джон. Как всегда я рядом, – чуть с грустью сказала она. – Речь у меня уже есть. Я её писала заранее. Ты её можешь прочитать у себя на почте. Приходить к тебе я не собираюсь. Я позвоню.

– А как же пропустить пару стаканчиков за мою победу? – Джон игриво притянул к себе девушку.

– Ты в своём уме? – Саманта вырвалась из его рук.

Джон весело засмеялся, заставив её смутиться. Девушка строго посмотрела на него.

– Не распускай руки. Я не одна из этих, – она кивнула на проходившую мимо девушку, строившую Джону глазки. – Я позвоню тебе узнать твоё мнение о написанной речи, – но Джон её уже не слушал, провожая масляными глазами красавицу по коридору. – Джон! – Саманта взяла его за подбородок и повернула к себе. – Джон!

– Что? – он еле сфокусировался на девушке.

– Прочти речь! Я позвоню узнать всё ли в порядке, – постаралась впечатать Саманта свои слова в память Джона.

– Хорошо, – и Джон сорвался с места за девушкой, игриво покачивающей бёдрами.

Возле дома на лужайке уже стояла табличка—указатель: «Здесь будет праздник в честь Джона». Весь алкоголь и закуски были уже приготовлены и только ждали появления гостей. До их прихода оставалось ещё немного времени, и Джон решил прочитать свою речь.

Он открыл ноутбук, но лень одолела его, и Джона потянуло в сон. Совладать с ним он не смог и отдался в мягкие руки Морфея. Молодой человек проснулся от холода. Не открывая

глаз, он попытался нащупать след, но ничего не смог найти. Тогда он попытался съёжиться ещё плотнее, но что—то жёсткое упёрлось ему в бок. Холод становился всё сильнее и пробирався своими холодными руками к самым костям. Джон открыл глаза и вскочил. Сна, как и не бывало. Он находился в совершенно незнакомом месте посреди развалин. С неба сыпал колючий снег, и было зверски холодно.

– Эй, ребят, хватит дурачиться, – попытался прокричать Джон, но его слова утонули в пелене падающего снега. – Эй, ну хоть кто-нибудь, – попытался он снова, но ответом была тишина. – Где я? Где все?

Паника овладела молодым человеком, и задыхаясь, он прокричал сквозь снег:

– Кто-нибудь!

Где—то очень далеко в снежной пелене он услышал голоса. Джон собрал все силы, которые были и побежал на звук. Он бежал по белым от снега развалинам. Бежал, не смотря на холод и колючий ветер. Ноги скользили по остаткам кирпичей и камней. Джон падал, больно ударяясь об их острые углы, но поднимался, хватаясь за остатки стен, и снова бежал. Его тело заледенело, и мышцы практически перестали слушаться его, но Джон бежал на голоса в надежде увидеть тех, кто его так жестоко разыграл. Выбежав из—за стены, он наткнулся на группу людей, что—то активно и громко обсуждающих. Они очень удивлённо и испуганно посмотрели на него, так же, как и Джон на них.

– Вы кто? – первым спросил он, переводя дыхание.

– Это ты кто? И как сюда попал? – спросил один из мужчин.

– Меня зовут Джон. Я проснулся тут и ничего не понимаю. Где я?

– Ты здесь, – ответила девушка. – Вот возьми, – она протянула Джону шкуру с серым мехом, – обернись и будет теплее.

Зубы Джона стучали как барабаны, отбивая ритм холода.

– Спасибо, – сквозь стук зубов сказал Джон.

– Ты как сюда попал?

– Я не знаю. Говорю же, что проснулся здесь, – с раздражением ответил молодой человек. – Что это за розыгрыш такой?

– Какой розыгрыш? – спросил мужчина. – О чём ты говоришь?

Джон трясся от холода и не мог больше говорить.

– Хорошо. Пойдём с нами, а то ты уже совсем замёрз. Дома посмотрим, кто ты такой и как здесь оказался, – сказал первый мужчина.

Еле передвигая замёрзшие ноги, Джон старался не отставать от группы. Девушка всё время шла рядом с ним и помогала ему пройти там, где было сложно. Она тихо смеялась над его неуклюжестью и нерасторопностью.

– Что ты смеёшься? – недовольно воскликнул он.

– Я первый раз вижу молодого человека, о котором надо заботиться, – девушка снова засмеялась.

– Тише, Анна, – обернулся мужчина. – Волки могут быть рядом, а нам не уйти от них с таким грузом, – он указал на замёрзшего Джона.

– Точно. Тебе не спасти тогда твои ясли, – засмеялись двое молодых людей. Им явно не нравилось то, что девушка уделяла своё внимание незнакомцу.

Джон опять чуть не упал, споткнувшись об очередной обломок. Он уже весь посинел от холода, и шкура больше не спасала.

– Потерпи немного. Уже скоро дом, – с заботой сказала девушка, снова поддерживая споткнувшегося Джона.

Он только слегка улыбнулся, и замёрзшие ноги опять подвели его. Он упал, и скатившись в низ, ударился головой о грудку кирпичей. Его глаза смотрели в небо, и всё что он видел – это кружившаяся серо—голубая бездна и снег, снег, снег.

– Ну вот, – с досадой сказал один из молодых людей, ранее смеявшихся над Джоном, – как так можно ходить?

– Кто это вообще такой? Как он здесь оказался? – раздавались вопросы со всех сторон.

– Мы так и будем разговаривать? – строго спросил мужчина. – Скоро ночь и закроют ворота. Нам что спать с волками? Кидайте его на шкуру и понесли. Дома будем разбираться и рассуждать.

Молодые люди мгновенно его послушались. Положив Джона на шкуру, четверо мужчин осторожно понесли его. Через несколько минут вдалеке показались тёплые огни родного дома. Сколько переполоху наделало появление незваного гостя! Почти все жители небольшой деревни столпились возле дома лекаря и по очереди заглядывали в окно, пытаясь рассмотреть хоть что—то. Тусклый свет свечей сквозь замёрзшие окна не давал возможности видеть, что происходит внутри, и люди додумывали остальное сами. Наконец из дома лекаря вышел мужчина, который был в группе, нашедшей незнакомца.

– Что там? Кто это? – посыпались на него вопросы. – Уильям, скажи нам.

– Всё там нормально. Он будет жить. Мы не знаем кто это. Мы его нашли. Очнётся и сам всё расскажет, – грубо ответил он. – Кто стоит на воротах? Почему все здесь? Расходитесь и занимайтесь своим делом.

Зазвенел гонг, созывающий всех на ужин. В большом доме были накрыты столы, пахло едой и свежим хлебом. Все, кто не стоял на карауле, поспешили за стол. Еда заставила забыть о странном госте и успокоить свои мысли. В комнате стояла полнейшая тишина, нарушаемая звоном посуды. Никто больше не осмеливался задать вопрос о незнакомце.

– Сегодня хороший суп у тебя получился, – сказал Уильям, подходя к одной из женщин на кухне.

– Спасибо. Я не видела Анну. Она придёт или вы возьмете еду с собой?

– Она придёт, – с лёгким раздражением ответил мужчина.

В дверях он как раз и столкнулся со своей дочерью, девушкой, помогавшей незваному гостю.

– Почему так долго? – строго спросил Уильям.

– Я помогала Гарольду, – недовольно ответила Анна. – Я поем и отнесу еду ему и Находке.

– Находке? – удивился отец.

– Мы пока так называли незнакомца.

– Смотри, долго не задерживайся, – всё так же строго сказал Уильям.

Он недовольно нахмурил брови и шагнул в морозную ночь. Его дочь была совсем как мать. Она окружала заботой всех, кто нуждался, помогала всем, кто просил, совсем не берегла себя, отдавая своё доброе сердце людям. Уильям печально зашагал к дому, где ждала его только пустота. Жена давно умерла, а дочь опять отдаёт своё тепло другим.

Анна помогла убрать комнату после ужина, вынесла остатки еды собакам, разложила по местам посуду. Немного поболтав с другими девушками и тихонько похихикав, обсуждая незнакомца, девушка пошла опять к дому лекаря. Ей не терпелось расспросить обо всём этого странного молодого человека, так внезапно появившегося здесь. Его лицо ей было очень знакомым, но откуда она могла знать его? Где могла видеть? В комнате, где всё ещё спал Джон, стоял стойкий аромат трав, которыми лечил лекарь. Девушка поставила миски с супом на стол и посмотрела на спящего юношу. Откуда этот странный молодой человек?

– Я принесла еды, – сказала Анна, обращаясь к тёмной фигуре возле огня. – Он всё ещё спит?

– Да, – ответил лекарь. – Спасибо за еду, но мне надо выйти. Он слишком отличается от нас своей энергетикой. Она у него другая. Очень агрессивная и тяжёлая для меня. Он чужак здесь. И здесь ему не место. Я опустошён им полностью.

Лекарь злобно посмотрел на Джона. Укутавшись в меховую куртку, он вышел из дома в морозную ночь. Анна печально смотрела на спящего молодого человека и всё никак не могла понять, откуда его лицо ей так знакомо. В полной тишине тёмной комнаты раздавалось только равномерное дыхание Джона и треск дров в очаге. Анна расслабилась и успокоилась. Сев на стул возле кровати, девушка стала ждать. Минуты ожидания тянулись очень долго, превращаясь в часы, и Анна задремала, откинувшись на спинку стула. Дом на мгновение погрузился в полную тишину. Джон заворочался и застонал, разбудив Анну. Он резко сел. Его глаза бегали по комнате, пытаясь понять, где он, но в сумраке свечей мало что было видно.

– Где я? – испугано спросил он.

– Ты в доме лекаря, – ответила Анна.

Тяжело дыша, Джон пытался рассмотреть помещение, но глаза застилала пелена, и он почти ничего не видел.

– Кто ты? Твой голос мне знаком.

– Меня зовут Анна. Мы нашли тебя сегодня на развалинах, – спокойно ответила девушка. – Скоро ты сможешь видеть лучше. Ты сильно ударился головой, но скоро всё пройдет.

– Воды, – Джон протянул руку в поисках кружки.

– Сейчас, – Анна побежала за водой и одновременно зажгла еще одну свечу, чтобы в комнате стало светлее. – Вот пей, – Анна вставила кружку в руку Джона.

Жадными глотками он моментально осушил её.

– Я принесла поесть. Вот возьми. Здесь суп и хлеб.

Джон с аппетитом накинулся на еду. Ему показалось, что он не ел сто лет. Сильнейший голод в один миг при упоминании о пище сковал его желудок, мышцы и мозг. Как только блаженная тёплая жижка полилась внутрь, Джон довольно облизнулся, а желудок издал радостное урчание. Анна опять звонко рассмеялась.

– Какой ты забавный, – сквозь смех сказала она.

– Чем же это? – сердито спросил Джон.

– Ты такой необычный и странный. Кто ты такой? Как ты сюда попал?

– Меня зовут Джон Олдсен, и я не знаю, как попал сюда, – ответил он с набитым ртом.

При упоминании имени Анна вся напряглась и встала со стула.

– Как тебя зовут, говоришь? – смесь испуга и удивления прозвучала в её голосе.

– Джон Олдсен, – совсем не стесняясь, он доедал вторую миску супа.

– Джон Олдсен, – Анна очень тихо повторила его имя.

– Да. Да. Он самый. А теперь скажи, где это я, детка?

В его животе булькала тёплая еда, тело согревала одежда, а рядом находилась приятная девушка. Всё складывалось очень хорошо, и Джон улыбнулся ощущению блаженства. Анна подошла к большому шкафу и сняла с полки довольно толстый и большой альбом. Она открыла его, поднеся неугомонную свечу поближе, и с первой страницы на Анну смотрел Джон! Заголовок вырезки из газеты гласил: «Самый молодой сенатор страны». На следующей странице ещё одна пожелтевшая вырезка и ещё один снимок Джона, где он был уже постарше лет на тридцать. Подпись над фото больно резануло душу девушки: «Он уничтожил мир».

– Что ты там нашла, детка? – Джон уже окончательно пришёл в себя и стал вести себя как обычно нагло и самоуверенно. – Иди ко мне. Я кое—что тебе покажу, – он постучал ладонью по кровати возле себя.

Анна не замечала ни его слов, ни его действий. Девушка со слезами на глазах смотрела на старые вырезки из газет, заботливо кем—то уложенные в фотоальбом.

– Этого не может быть, – тихо сказала она.

– Конечно может! Иди ко мне, и я отблагодарю тебя. Вы классно всё устроили. Отличное шоу. Иди сюда, и я тебя вознесу на вершину моего блаженства, – наглый тон и улыбка на лице Джона вывели Анну из себя.

– Ты что ещё не понял, где ты? – накинулась она на него. – Тебе ли здесь быть!

– А что не так—то? – Джон пожал плечами. – Детка, если хочешь поиграть и поупрямиться, то я согласен. Я очень люблю играть.

– Ты доигрался уже, Джон Олдсен! Какой сейчас год как ты думаешь?

– Две тысячи пятнадцатый. Год моего триумфа, – Джон встал с кровати и стал снимать с себя рубашку.

– Как бы ни так! – победно воскликнула Анна. – Сейчас две тысячи двести четвертый год по старому летоисчислению или сто шестьдесят второй год по—новому.

– Что значит по—новому? – Джон всё ещё думал, что его разыгрывают. Он потихоньку подбирался к Анне, в надежде заполучить свою награду за победу на выборах.

– Сто шестьдесят два года назад началась и закончилась война, – Анна смотрела на нелепые движения Джона и не понимала, что он делает.

– А! Так мы играем в выживших, – Джон игриво передернул мускулами, стараясь впечатлить девушку.

– Мы – потомки выживших, – уточнила она.

– Это меняет дело! Но ты должна стать более любезной, – Джон осторожно подбирался всё ближе и ближе. – Я всё же победитель, а ты моя награда.

В комнату вошли лекарь и отец Анны.

– Что тут происходит? – гневно спросил Уильям.

– Парни, вы не вовремя, – очень раздосадовано, сказал Джон. – Я попросил бы вас уйти. У нас тут... – он не мог вспомнить имя Анны, – как её там зовут, – Джон показывал в сторону девушки, – всё только начинается. Зайдите часа через два.

Злобные искры вылетели из глаз Уильяма. Он схватил руками Джона за шею и поднял его вверх.

– Что у тебя начинается?

Джон что—то там хрипел, пытаясь расцепить руки, душившие его.

– Отец, прекрати! – Анна выкрикнула так строго, как только могла.

В тот же миг Джон упал на пол, жадно глотая воздух. Анна подошла к отцу и взяла его за руку.

– Я узнала кто это, – она кивнула в сторону хрипящего молодого человека. – Но теперь не знаю, что это значит и как такое может быть.

– Кто это? – почти в один голос спросили лекарь и Уильям.

– Это Джон Олдсен. Тот самый. Я по вырезкам из альбома всё сравнила. Это он, – с испугом сказала Анна.

Лекарь подошёл к раскрытому альбому, лежащему на столе. Он внимательно изучил несколько листов с фото на вырезках, постоянно сравнивая с Джоном.

– Это он, – наконец утвердительно сказал лекарь.

Наступила тишина. Все трое смотрели на Джона, всё ещё жадно глотающего воздух.

– Я не понимаю. Как он мог здесь оказаться? Он жил много лет назад, – Анна развела руками.

– На большой земле живет провидец. Он знает больше меня и сильнее меня, – сказал лекарь. – Когда придёт корабль, мы попросим капитана передать весточку ему, может он будет знать, в чём тут дело.

– Пока не говори ему, Гарольд, – сказал Уильям. – Посмотрим, что дальше будет. Эй, Джон, – он подошёл к молодому человеку и взял его за плечо.

Джон, испугавшись явного превосходства по силе, в страхе отпрянул от нависшего над ним мужчины.

– Да не бойся ты, – засмеялся Уильям. – Сейчас не трону, если будешь себя хорошо вести. Пошли со мной. Тебя определили в общий дом. Я покажу тебе твою комнату, – снисходительно сказал он.

– Подождите, – прохрипел Джон. – Какой общий дом? Какая комната? Давайте я пойду домой, я больше не хочу играть.

– Это не игра, Джон, – печально сказала Анна. – Давно уже не игра.

– Как это? – Джон нелепо улыбнулся. – Ты хочешь сказать, что сейчас какой—то там год?

– Две тысячи двести четвёртый.

– Да. Да, – Джон утвердительно замахал рукой. – Кто в это поверит? Игра зашла в тупик. Я не получил главного приза.

– Полегче, дружок, – вмешался Уильям.

– Я всё понял. Это твоя дочь и всё такое, – Джон как можно небрежнее сказал это, чтобы хоть как—то разрядить обстановку. – Но мне пора домой.

– Дома нет. Теперь это твой дом, – Анна обвела комнату руками.

Джон, словно что—то осознавая, сел на кровать.

– Этого не может быть! Такое невозможно! – страх сковал его сердце. – Нет, конечно, я читал про это, но... – он посмотрел на трёх людей в комнате в надежде, что всё окажется игрой, но увидел, что они его не обманывают.

– Это, правда, – сказала Анна. – Твоего дома больше нет. Всё разрушила война и ядерная зима.

– Хватит, – Джон жестом остановил её. – С меня на сегодня хватит.

Он медленно сполз с кровати на пол, и обхватив колени руками, стал медленно раскачиваться.

– Джон, – взволнованно позвала его Анна, но он не отзывался. Девушка увидела слезы на его глазах. – Джон, перестань.

– Я хочу домой, – еле слышно, как капризный ребёнок сказал он. – Я хочу домой.

– Вам лучше уйти, – попросил Гарольд. – Я дам ему успокоительного чая. Поспит сегодня у меня под наблюдением. Завтра отведёте его в общий дом.

Джон ворочался во сне и стонал, он часто разговаривал и выкрикивал отдельные фразы. Лекарь всю ночь просидел рядом с ним, то и дело поглаживая его по плечу и успокаивая.

– Тише. Тише. Всё хорошо, Джон, – почти шёпотом говорил он.

Солнечные лучи пробрались сквозь замёрзшие стёкла окон. Отражаясь от разноцветных баночек и бутылок, по стенам запрыгали весёлые солнечные зайчики. Комната наполнилась разноцветными бликами стеклянного калейдоскопа. Джон потянулся на кровати. Он уловил запах травы, каких—то приправ и свежей выпечки.

– Мама, – позвал молодой человек и открыл глаза. – Чёрт! – сколько было собрано эмоций в этом слове, сколько боли!

Джон сел на кровать. Он приходил в себя и старался уравновесить свои мысли. На столе возле него дымил горячий чай, издававший невероятный аромат, и стояла тарелка с пирожками. Без аппетита Джон съел всё. Чай согрел его изнутри и слегка успокоил нервы. Прерывая его трапезу, в дом вошёл лекарь, запустив с собой морозный воздух и ворох снежинок. Джон поёжился от холода и накинул на себя одеяло.

– Отлично, ты уже встал, – весело сказал Гарольд.

– Да. Спасибо, – грустно ответил ему Джон.

– Не переживай. Мы что-нибудь придумаем, – попытался подбодрить его лекарь.

– Что? Что вы можете? Вы можете путешествовать во времени? – с издёвкой спросил он.

– Нет. Но насколько мне известно, люди, которые попадают в чужое время остаются там совсем недолго. Я читал это в книгах.

– Да, я тоже читал фантастику и жёлтую прессу, – Джон подошёл к огню и протянул руки к его теплу.

Гарольд спохватился и подал ему одежду, которую накануне принёс Уильям.

– Вот возьми. В ней ты не замёрзнешь.

– Зачем она мне? – Джон почти накинулся на лекаря и выбил у него из рук свёрток. – Мне здесь не место! Я хочу домой! – кричал он.

Гарольд, прижавшись к стене, только испугано что—то бормотал. Разъярённого Джона кто—то схватил за плечи и резко развернул. Джон хотел было наброситься на наглеца, но им оказался тот самый Уильям, против которого Джон не осмелился бы пойти. Он испугано попятился назад.

– Почему я тебя всё время успокаиваю? – очень спокойно спросил он у Джона.

От такого спокойствия ноги подкосились сами собой, и Джон чуть не упал на пол. Уильям подхватил его и ещё раз тряхнул.

– Да приди ты в себя! – строго сказал он. – Что ты ведёшь себя как ребёнок. Мы тоже не хотим, чтоб ты здесь был. И поверь у нас гораздо более веские причины, чем у тебя. Одевайся. Я отведу тебя в общий дом в твою комнату.

Джон безропотно повиновался. Очень быстро одевшись, он предстал перед отцом Анны.

– Вот так бы давно, – одобрительно похлопав по плечу, сказал он Джону.

С улицы в дом хлынул холодный воздух. Обжигая лёгкие, Джон сделал большой вдох. Кристально прозрачный воздух пах морозом и чистотой. Такой прозрачности воздуха Джон не видел никогда. От насыщенности кислородом и чистоты закружилась голова, и Джон облокотился на стенку. Искрящийся под солнцем снег, заставил ещё и зажмуриться, чтоб не так больно резало глаза. Мягкое спокойствие разлилось по телу молодого человека. Он раньше не видел столько снега. Даже не мог себе и представить такую красоту. Всё это словно сошло с рождественской открытки: пушистый снег, белые шапки домов, снежные платья деревьев. Не хватало только Санты на оленях. Там, где Джон раньше жил, снега вообще не было.

– Пойдём, – Уильям слегка подтолкнул его.

– Расскажите мне про это место, – попытался наладить диалог Джон, но Уильям сделал вид, что не услышал вопроса.

Хрустящий снег под ногами давал возможность молчать, но Джон снова заговорил.

– Я бы хотел сказать вам спасибо, что забрали меня с собой, – ещё одна попытка наладить разговор провалилась.

Уильям сохранял молчание.

– Да ладно вам! – воскликнул Джон. – Я не виноват, что здесь оказался. В моём времени нет такой возможности. . .

– А в нашем тем более, – угрюмо сказал мужчина. – Моей дочери спасибо скажи. Это она тебя подобрала.

Они снова замолчали. Говорить им было не о чем, да и Уильям особо не хотел. От дома лекаря до общего дома идти было совсем недалеко, но молчание делало этот путь слишком долгим.

– Это общий дом, – показал Уильям рукой на довольно большое здание. – Здесь мы кушаем и проводим сборы жителей. Здесь ты будешь жить.

Джон оторопел и немного пошатнулся назад.

– Что это ты?

– Мне страшно. Я могу остаться у Гарольда? Он говорил, что такие как я, долго не задерживаются.

– Это было бы замечательно. Меньше всего я хотел бы возиться с тобой, но жить ты будешь здесь. У Гарольда свои обязанности и стеснять его нельзя.

Уильям открыл дверь. Изнутри вырвалось тепло и запах вкусной еды. Джон нерешительно прошёл в дом. Большая комната, в которой все обедали, окружила его теплотой и погрузила в сказочный мир полумрака. Джон зажмурился, привыкая к темноте помещения. Окон было совсем немного и свет в основном давали лампы, тускло горящие на стенах. От этого предметы обретали гораздо больший размер и необычные мягкие очертания. Самым ярким пятном в комнате был большой очаг, который служил и для обогрева помещения, и для приготовления еды. Как раз сейчас на нём готовили что—то в большой кастрюле, из которой так вкусно пахло. От очага лучами солнца расходились длинные линии столов со стульями.

– Всем доброе утро, – прокричал Уильям.

Все, кто работал на кухне вышли посмотреть на молодого человека, с которым будут теперь соседствовать. Воцарилась полная тишина. Женщины и мужчины рассматривали Джона, словно он был зверушкой в зоопарке. Под пристальными взглядами он безропотно шёл за Уильямом в свою комнату.

– Вот мы и пришли, – сказал отец Анны, показывая на дверь в конце большого зала. – Это будет твоё место проживания. Я надеюсь недолгое.

– Я тоже, – пробурчал в ответ Джон.

– Здесь твоя кровать, сменная одежда и принадлежности для гигиены.

– Кувшин и ведро? – удивился Джон.

Уильям не понял вопроса и с удивлением посмотрел на него.

– Туалет – это ведро? – Джон был на грани истерики.

– А что такого? – Уильям развел руками. Он явно не понимал, что так не нравится этому странному молодому человеку.

– А где обмываться? Принимать душ?

– Есть общая умывальня. Это я тебе отдельно покажу. Есть мужские и женские дни, но это после. Располагайся. Я пошёл. У меня ещё много дел.

Уильям с облегчением закрыл за собой дверь. Он не нашёл общего языка с Джоном, да и не очень—то хотел. Он был здесь чужой, а после того, как Анна узнала кто он, Уильям даже видеть его не мог. Как только он отошёл от двери, к нему сразу подбежали женщины с кухни с вопросами и расспросами.

– Он будет здесь жить? Он сказал кто он? Он сказал, как здесь оказался? – посыпалось со всех сторон на Уильяма.

– Тише! Тише, милые мои! – он попытался отстраниться от них, но не вышло – женщины плотно окружили его. – Он не вспомнил, как он здесь оказался. Он этого не знает.

– Бедный мальчик. Ему же очень страшно и непонятно всё.

– Да ничего он не бедный! – возмутился Уильям. – Он странный и всё.

– Ты слишком строг к нему! Ты и к Анне строг! Мы ведь понимаем, что он из другого времени к нам попал. Значит, там всё было по—другому. Лекарь сказал, что он очень испуган.

– Хватит бездельничать! Что вы как курицы раскудахтались? – раздражённо прокричал Уильям. – Скоро обед, а у вас ещё ничего не готово.

Он вышел из дома, хлопнув дверью, а на кухне всё ещё продолжались разговоры о новом жильце. Сам же Джон сидел на кровати в новой комнате и впервые в своей сознательной жизни плакал. Его охватило такое отчаяние и тоска по дому, что всё внутри стало пусто и темно. Он так захотел прижаться к матери или хотя бы услышать её голос. Он вспомнил свою сестренку и её задорный детский смех. Он вспомнил взгляд отца, когда тот победил на выборах и радостно трепал волосы Джона. И ещё почему—то он вспомнил Саманту. Он вспомнил её милую светлую улыбку, интонацию голоса и то, как она поправляет непослушный выбившийся локон. Больше сдерживать рыдания Джон не мог. Он плакал беззвучно, лишь стон вылетал из

его груди. Крупные слёзы стекали по щекам, и прижатая к груди подушка была уже мокрой. Джон сидел на кровати и качался вперёд—назад, заглушая свой отчаянный крик пустотой. Он не заметил, как прошёл весь день. К нему в комнату за весь день никто не зашёл и не поинтересовался как у него дела, никто не спросил хочет ли он кушать или может ему что—то нужно. Джону стало плохо от такого невнимания к нему, от полного одиночества и безысходности. Ему не с кем даже поговорить, потому что никто не знает и не понимает, что произошло с ним. Ему никто не подскажет, что ему делать, чтобы вернуться домой. А домой так хотелось! Джон снова взвыл от боли, сдавившей его грудь. Слёзы текли ручьём по щекам, не останавливаясь ни на минуту.

Уже совсем стемнело, и комната погрузилась во мрак. За стеной были слышны голоса людей, собравшихся на ужин. Было слышно, как они смеются и разговаривают, как обсуждают какие—то вопросы и спорят. А Джон был в тёмной комнате один. Он был один в совсем ему чужом мире, один среди людей. Он не вышел на ужин, потому что боль одиночества и тоски сковала его. Он всё ждал, что кто-нибудь войдёт в его комнату и позовёт к столу, но этого не произошло. Все как будто забыли про него. Наступила ночь, всё стихло и погрузилось в сон, а он всё так же сидел на кровати и ждал, когда всё прекратится, и он окажется у себя дома со своими родными людьми. Долгая ночь прошла незаметными бесшумными шагами, бросив тёмное покрывало на душу и сердце Джона. За всю ночь он ни минуты не поспал, даже не прикрыл глаза. Он был в чужом для себя мире, в чужом для себя времени.

Утро серой пеленой прокралось в комнату, осветив тёмную фигуру молодого человека. Он сидел всё в той же позе на кровати и с подушкой в руках. Его почти стеклянный взгляд был направлен в пустоту стены. Он не сводил глаз с несуществующей точки на ней. Джон ждал, когда всё изменится, и он вернётся обратно. В таком застывшем состоянии его застала Анна. Весь прошлый день девушка была с отрядом на охоте, поэтому зайти к Джону совсем не получилось, но то, что она увидела сейчас, повергло её в ужас. Она подошла к нему и похлопала по щекам, но никакой реакции не последовало. Анна потрусила Джона, но он сидел словно неживой. Сильное волнение охватило её, и девушка побежала за лекарем. Осмотрев его и немного подумав над странным состоянием, лекарь сказал:

– Он в сильной печали. Другого я ничего не нахожу. Я, конечно, дам ему успокоительный чай, но он не вылечит его душу.

– А что же может помочь ему? – Анна сильно волновалась.

– Он сам себе должен помочь прежде всего. Его состояние сейчас – это проявление слабости. Ему нужно принять действительность, а не замыкаться на себе.

– Он ел что—то вчера? – спросила Анна.

– Я не знаю, – виновато ответил Гарольд.

– А к нему заходили вчера? – Гарольд пожал плечами.

Лекарь напоил Джона отваром и с трудом, разжав его руки и освободив из цепких объятий мокрую подушку, уложил в кровать. Стеклообразные глаза молодого человека смотрели в потолок, а по щекам стекали слёзы. Такое состояние лекарь видел впервые.

– Я не знаю, чем ему ещё помочь!

Лекарь был напуган. Уильям, пришедший на помощь, тоже стоял в растерянности. Никто из них не понимал, что происходит с Джоном.

– Отец, почему вы бросили его? – возмущённо спросила Анна.

– Мы... Я всё ему рассказал, – оправдываясь, ответил Уильям.

– Он в чужом мире! Он совсем один, а вы не могли уделить ему время? – девушка негодовала.

– Да не должен я уделять ему время, после всего, что он натворил.

– Он ещё ничего не сделал! – резко сказала Анна. – А ты уже озлобил его против нас.

Так может это всё из—за тебя?

- Анна! – Гарольд коснулся руки девушки.
- Извини, отец, – уже виновато сказала она.
- И ты нас извини, – ответил Гарольд. – Ты права и его не нужно было оставлять одного.

Мы виноваты.

Анна посмотрела на Джона.

– Надо с ним подежурить несколько дней и подавать ему отвар, – сказал лекарь. – Я такое отчаяние вижу впервые и не знаю, что делать.

– Я останусь с ним, – сказала Анна.

– Ты будешь дежурить днём, – строго ответил Уильям. – Ночью буду дежурить я или Гарольд.

В комнате воцарилась тишина. Отвар уже подействовал, и Джон уснул крепким сном. Лекарь разливал по маленьким круглым чашкам оптимальную дозу сонного эликсира, колдуя над ними словно волшебник.

– Неужели все в прошлом были такие слабые? – тихо спросил Уильям. – Неужели он такой слабый? Я тогда не понимаю, как он мог сотворить такое!

Все в деревне уже знали, что незнакомец нездоров. Люди приходили к дверям его комнаты и предлагали помощь, но лекарь говорил им только спасибо. Чем они могли помочь? Состояние Джона было всем незнакомо. Как его вывести из него никто не знал. Давая успокоительный отвар, Гарольд понимал, что не помогает ему принять произошедшее, а только отодвигает встречу с действительностью.

Первый день и ночь прошли спокойно. Джона поили отваром, и он спал. Лекарь утешал себя мыслью о том, что если и не излечивается душа, то хотя бы тело не страдает. Всю вторую ночь Джон метался по кровати весь в жару, что—то бормотал, звал отца и плакал. Уильям влил в него столько успокоительного отвара, что можно было напоить им целую деревню, но ничего не помогало. Только под утро Джон успокоился и тихо лежал на кровати. Он не спал, а смотрел в потолок стеклянным взглядом.

Первые лучи солнца робко пробрались через окно комнаты, освещая застывшие фигуры в ней. Джон серым камнем лежал без движения на кровати, погрузившись в тяжёлый сон без сновиденья. Уильям застыл на стуле тёмной скульптурой, сморённый бессонной ночью. В комнате царил тишина. Джон приоткрыл глаза и сквозь сонную пелену увидел своего отца. Его радости не было предела. Наконец—то он дома! Вскочив с кровати и подбежав к нему, молодой человек сильно обнял того, кого посчитал своим отцом.

– Отец! Отец! Как я рад, что вернулся, – почти кричал он. – Я тебе расскажу такое, что ты не поверишь.

Уильям спросонья не понял, что происходит и тоже обнял Джона, прижав его к себе. Немного придя в чувства и разобравшись, мужчина несмело отстранил от себя молодого человека.

– Джон, это я – Уильям, а не твой отец, – очень робко сказал он.

Когда Джон наконец услышал эти слова, он снова впал в истерику. Уильям пытался его успокоить, но всё было тщетно. Джон метался по комнате, бил стену кулаком в ярости, опрокинул все чашки с отваром и кричал. Уильям с трудом поймал его, сжав в крепких тисках своих рук. Джон безвольно повис на них. Его тело содрогалось от рыданий, он что—то несвязно говорил и пытался вырваться. Уильям держал Джона как маленького ребёнка и гладил по спине, успокаивая вкрадчивым шёпотом. В комнату вбежал лекарь, его позвали женщины, пришедшие готовить завтрак и увидевшие весь этот кошмар. Он быстро затолкал в Джона какую—то смесь и дал запить водой. Через минуту молодой человек уснул на руках Уильяма. Мужчина заботливо положил его на кровать, укрыв одеялом.

– Надо что—то делать! – сказала одна из женщин. – Так нельзя. Ему нужно помочь!

– Что же мы сделаем? – грубо ответил отец Анны.

– Они правы: надо что—то делать. Он так с ума может сойти или натворить чего-нибудь, – задумчиво ответил лекарь. – Но я не знаю, что делать!

– Разрешите мне попробовать? – спросила Анна. Девушка пришла сразу, как только по деревне пронёсся слух об ухудшении состояния Джона.

– Лекарь не может, а что сможешь ты? – воскликнул её отец.

– Пусть попробует, – заступился Гарольд. – Бывает и так, что помогает простое общение. Сегодня он проспит весь день. Мы с твоим отцом подежури́м, а ты приходи завтра с утра.

Улыбка не сходила с лица девушки. Она так обрадовалась тому, что сможет попробовать помочь Джону! Что её влекло к нему, Анна не понимала, но чувствовала, что должна быть рядом. Девушка очень хотела вытащить из ямы отчаяния, ставшего ей дорогим чужого человека. День тянулся очень медленно, испытывая её терпение. Анна несколько раз заглядывала в комнату к Джону и справлялась о его состоянии, но молодой человек всё ещё крепко спал. Отец и лекарь выставляли за двери нетерпеливую девушку, но она всё равно проникала в комнату к больному. От волнения уснуть Анна так и не смогла, проворочавшись всю ночь в кровати, и лишь только солнце вспыхнуло на горизонте, она отправилась в общий дом.

В комнате стоял стойкий запах травы и пота, печали и отчаяния. Анна открыла окно, впус- тив морозный воздух в маленькое помещение. Свежий ветер ворвался в комнату, всколыхнув пламя свечей, потрепав волосы Джона и погладив его по лицу. Молодой человек заулыбался и потянулся.

– Привет, – сказала ему с улыбкой Анна.

– Привет, – еле слышно ответил Джон. – Я всё ещё здесь?

– Ну я ведь тоже здесь.

– Ты здесь и жила до меня, – с печалью ответил Джон.

– Да. Жила. И ничуть об этом не жалею, – весело сказала девушка.

Джон печально вздохнул.

– Перестань. Всё не так плохо. Всё образуется. Лекарь говорит, что перемещение во вре- мени – это ненадолго. Это редкое событие, которое случается с избранными людьми.

– И что? Я должен радоваться этому? – с усмешкой спросил Джон.

– Я не вижу для печали повода. Пока тебе дали такой шанс, нужно им воспользоваться и с пользой провести время.

– Это как же?

– Нужно обследовать всё, узнать всё. Это же так интересно! Это как попасть в сказку, а потом всем об этом рассказывать. Я бы так время своё не тратила как ты.

– В смысле?

– Я бы не впадала в печаль, а узнавала тот мир, в который я попала. А ты решил пойти самым лёгким путём, хотя с виду такой сильный, – Анна сделала акцент на последних словах, чтобы подстегнуть Джона к действиям.

– И чтобы ты сделала на моём месте?

Анна положила перед Джоном полотенце и кусочек мыла.

– Что это? – удивился он.

– На твоём месте я первым делом бы помылась. Ты плохо пахнешь, – весело сказала девушка. – Тащите, – крикнула она кому—то за дверь.

В тот же миг в комнату въехал большой деревянный таз, наполненный водой и еловыми ветками. Пар и запах ели наполнили небольшое помещение. Джон несколько раз глубоко вдох- нул приятный аромат. Молодые люди, вкатившие таз, пожали Джону руку, потрепали его по плечу и пожелали хорошего купания.

– Чего сидишь? Раздевайся и лезь в воду, а я пока сменю твою одежду и бельё, – Анна подтолкнула Джона к горячему тазу.

Джон окунулся в тёплую воду. Закрыв глаза, он погрузился в успокоительное блаженство воды и аромата. Мысли прояснились в его голове, и слова Анны о том, что нужно всё узнать о том мире, в который он попал, не казались уже такими безумными. Он сидел в воде, натирался еловыми ветками и мылом, пил вкусный чай, оставленный лекарем, и думал. Действительно будет здорово рассказать потом всем о том, что он видел, даже книгу написать можно. Джон ухватился за эту мысль как за спасательный круг. Теперь всё будет замечательно! Джон уверенно это решил. В комнату вошла Анна с подносом в руках.

– Когда закончишь купаться, позови меня, чтобы мы убрали воду.

Джон довольно булькнул.

– Смотри, – он сделал из пальцев кольцо и запустил по комнате мыльные пузыри.

Анна звонко засмеялась.

– Вот это я понимаю, – сказала она. – Знаешь, я подумала, что сегодня и впредь ты будешь кушать со всеми вместе. Это полезно и для тебя, и для нас, – Джон согласно кивнул. – Сделай ещё пузырик пожалуйста, – попросила девушка, и разноцветный легкий шарик лопнул возле неё, осыпав мелкими каплями. Анна опять звонко рассмеялась. – Очень щекотно!

– Зато напоминает детство! – Джон снова запустил мыльные пузыри.

– Я пойду, – слегка смущаясь, сказала Анна.

Она растворилась в темноте коридора, оставляя Джона одного. Новая одежда пахла чистотой и травами. Новые чистые простыни манили к себе здоровым сном. Джон чувствовал, что печаль уходит из него с каждой минутой. Да, он очень хотел вернуться обратно, но пока это было невозможно Джон принял решение не быть слюнтяем, а набираться опыта этого мира. Каждый шаг в этом направлении давался тяжело из—за тоски по дому и родным, но Джон сдерживал себя, чтобы снова не начать истерику. Эта грань была так тонка и так остра словно лезвие бритвы. Балансировать на ней, держа равновесие, составляло большого труда, но Джон решил справиться. Ведь это же он – Джон Олдсен.

Анна позвала Джона из тёмного коридора. Молодой человек, чувствуя себя обновлённым и открытым для всего, шагнул на зов. В общем зале было много людей, стояли накрытые столы и вкусный аромат приятно щекотал рецепторы. Джон осмотрелся. Ему стало неловко и захотелось сразу забежать обратно в свою комнату и спрятаться как улитка в своей тесной раковине. Анна подошла к нему. Взяв за руку, девушка повела его за собой.

– Привет, Джон, – послышалось со всех сторон.

Джон только улыбался в ответ и кивал, ведь он не знал этих людей, и ему было стыдно, что его видели таким слабым и размякшим.

– Джон, пойдём на охоту? – спросил кто—то.

– Что вы пристали? Пойдёте. Всему своё время! – прокричала Анна.

– Садись с нами, – несколько молодых людей раздвинулись, чтобы дать Джону место за столом.

– Его ждет Уильям, – строго сказала Анна.

– Почему все так со мной любезны? – удивлённо спросил Джон.

– Потому что ты наш гость, – девушка тоже удивилась вопросу.

– Ну, наконец—то! – Уильям встал. – Я уж думал ты никогда не закончишь ныть!

– Папа! – рассерженно воскликнула Анна.

– Он прав. Я поддался слабости, – сказал Джон. – Спасибо тебе, что помогла выйти из этого и показала путь.

– Садись кушать, – смущаясь, ответила девушка.

– Я не очень хочу. Не понимаю почему, – его голос очень ослаб, и Джон даже сам испугался его звучанию.

– Садись. Попробуешь суп Беатрис, и аппетит появится сам собой, – задорно сказал Уильям.

И он оказался прав. Только первая ложка коснулась языка, как аппетит разыгрался не на шутку. Джон смёл всю тарелку супа и попросил ещё. Уильям озорным взглядом смотрел на юношу, наблюдая как он ест. Вскоре к ним подсел Гарольд и за столом начался оживлённый разговор. Уильям рассказывал что-то про последнюю охоту, а лекарь вставлял колкие замечания на эту же тему.

– Гарольд, у тебя теперь есть отличная замена! – наконец не выдержал Уильям насмешек лекаря. – Анна отлично справилась с твоей работой. Её пациент поправляется и скоро будет готов к охоте.

Гарольд только фыркнул на такое замечание.

– Я не умею охотиться, – вставил реплику Джон, но его никто не услышал.

Обед закончился уже давно, а люди за столом, где сидел Джон, всё не расходились. Уильям и Гарольд о чём—то спорили таким, чего не понимал молодой человек.

– Может, уделим время тому, зачем мы здесь? – с негодованием сказала Анна.

– Прости, дорогая, конечно, – Уильям посмотрел на Джона.

– Джон, мы все понимаем, что тебе не просто, и сочувствуем, – сказала Анна. – Никто из нас не хотел бы оказаться в такой ситуации.

– Спасибо, – Джон хотел показаться милым.

– Мы не знаем, сколько ты здесь пробудешь. Может вот сейчас, тебя время вернёт обратно, а может через день, – сказал Гарольд. – Но кое—что мы можем сделать.

– Что?

– Через несколько дней придёт корабль, и лекарь отправит провидцу дальних земель вопрос о тебе. Тот провидец более силен, и, может быть, он сможет нам что—то подсказать или помочь, – ответила Анна.

– Корабль? – Джон словно не услышал ничего остального. – Откуда корабль?

– С большой земли. Мы живём на острове, а есть ещё большая далёкая земля – континент, – вставил Уильям.

– А может мне сразу поплыть к провидцу? – оживился Джон.

– Он тебя не примет. Ему нужно написать для встречи, – ответил лекарь.

Джон грустно вздохнул.

– Не надо впадать в уныние. Ты жив! Ты с людьми. Это же здорово! – как можно более бодро сказала Анна.

– Я не впадаю. Вы правы – никто не знает на сколько я здесь. А я хотел бы за это время узнать как можно больше о вас, – сказал Джон. – Я хотел бы помогать вам. Научиться чему—то.

– Конечно! – радостно воскликнул Уильям. – Что ты умеешь делать?

– Играть в футбол и заниматься политикой, – Джон и сам понял, что это было нелепо, но другого он и правда не умел.

Уильям засмеялся.

– А полезное что—то можешь делать? Охотиться? Рыбачить? Строить?

Джон отрицательно мотал головой. Уильям тяжело вздохнул.

– Что же нам с тобой делать—то?

– Я буду выполнять любую работу, научусь охотиться, – воскликнул молодой человек.

Уильям без надежды посмотрел на него.

– Ну ничего. Мы сделаем из тебя мужчину, а не плаксу, – сказал он.

Джон только улыбнулся в ответ. Теперь каждый его день начинался с помощи на кухне. Он вставал рано, что на него было совсем не похоже. Помогал женщинам на кухне, что вообще выходило за все грани его прошлого поведения. Съедал тёплый пирожок с горячим чаем и обласканный всеми уходил на тренировку. Он учился стрелять из лука, метать ножи и топоры, но всё это получалось у него очень плохо. Дети, с которыми он тренировался, стреляли гораздо лучше. Неприспособленный к зимним условиям организм Джона быстро замерзал, пальцы не

хотели тянуть тетиву или сжимать рукоятку ножа. Они словно замёрзшие сосиски не сгибались и не слушались его. Джон расстраивался и злился на себя. Там в своём мире ему не было равных, а здесь он словно неуклюжий мальчишка, утопающий в сугробах и спотыкающийся о любой камень. Уильям разочарованно смотрел на тренировки такого, казалось бы, сильного молодого человека.

– Не будет из него толку, – сказал однажды Уильям Гарольду.

– А ты помоги ему, – посоветовал провидец.

Мужчина задумался. «Зачем помогать тому, кто не достоин? Кто возможно скоро покинет это время?» – думал он. Но доброта и отзывчивость победили, перевесив чашу весов.

– Я вижу, что ты силен, но не так как мы, – однажды сказал он Джону. – Твоя сила бесполезна!

– Как это? – удивился он.

– В твоих руках есть сила, в твоих ногах есть сила, но ты не можешь её применять. Что это за мир такой, где сильный мужчина беспомощен?

– Нам не нужно было выживать. У нас всё было в магазинах, – постарался объяснить Джон. – Я занимался футболом, а для этого нужна сила, но другая. И я не привык к холоду. Я ни разу до этого времени не видел снег только в нете и на открытках.

– Где? – удивлённо спросил Уильям.

– В интернете...

– Я не знаю, что это, – пожал он плечами. – Но с холодом я тебе помогу. Пойдём к Гарольду.

Лекарь дал Джону большую банку с не очень вкусно пахнущим содержимым.

– Что это? – поморщился он.

– Это жир с травами. Он очень хорошо защитит кожу от мороза. Намажь руки, лицо и ступни, и ты не замёрзнешь, – лекарь мазнул Джона по носу из банки. – Отличное средство. Давно бы сказал.

Средство действительно помогло, и Джону было уже не так холодно. Пальцы слушались, натягивая тетиву, а ноги не замерзали, превращая всё тело в ледовую скульптуру. Успех в тренировках не заставил себя ждать. И вот уже мальчишки, с которыми Джон тренировался, не смеялись над ним. Он перестал отставать от своих младших одноклассников и перешёл вскоре на индивидуальное обучение. С ним занимался лично Уильям. Теперь утро Джона начиналось не только с помощи на кухне. Уильям, чтобы придать молодому человеку устойчивости на снеге, заставлял его таскать вёдра, полные воды. Сколько было сначала пролито таких вёдер, Джон умалчивал, как, впрочем, и отец Анны тоже, но тренировки дали свои результаты. Джон уже не спотыкался на снеге каждый раз.

– Анна, можешь достать мне кусок кожи и тряпки с нитками, – попросил Джон.

– Зачем тебе? – удивилась девушка. – Тебе нужна одежда?

– Нет. Я потом тебе покажу, – загадочно улыбнулся он в ответ.

Джон уже вполне освоился в деревне и познакомился со всеми её немногочисленными жителями. Он бросался на помощь каждому, кто звал его. Джон не стыдился любой работы. Он выполнял её ответственно, получая новый опыт и развивая новые навыки. В своих мечтах он уже рассказывал друзьям об этом мире. Хвастался что умеет стрелять из лука, метать ножи и колоть дрова. В своих мечтах он уже написал бестселлер о своём приключении и стал знаменитым писателем в своём времени.

Ранним морозным утром на горизонте показался корабль. Железный гигант, сохранившийся ещё со времён Джона, медленно шёл к берегу, едва качаясь на волнах. С самого утра вся деревня готовилась к его прибытию, мужчины носили на погрузочную площадку тюки и ящики. Женщины готовили обед и общий дом к приезду гостей. Как только был брошен якорь и спущен трап, работа на причале закипела. Большие мешки, привезённые с континента, отно-

сились в амбар. Огромные ящики складывались там же в стройные прямые ряды. Глиняные сосуды, запечатанные пробками, осторожно укладывались на полки. Мужчины работали слаженно, без шума и лишней суеты. Когда с разгрузкой было покончено, Уильям дал команду на погрузку обратной отправки. И снова по причалу забегали люди, унося груз в тёмные трюмы корабля. Джон во всём принимал активное участие, он как раз раскладывал в амбаре огромные мешки зерна, когда Уильям позвал его.

В общем доме за накрытыми столами обедали матросы с корабля. Их усталые угрюмые лица, нечесанные волосы и потрёпанная одежда вызвали у Джона лёгкое отвращение. «Неужели нельзя обмыться? – подумал он. – Ведь в океане столько воды!» За отдельным столом вместе с лекарем сидел прилично одетый мужчина. Он спокойно ел свой обед, искоса поглядывая на команду.

– Сэм, рад тебя видеть, – радостно сказал Уильям.

Сэм в ответ покивал головой, прожёвывая еду.

– Тебе уже Гарольд рассказал нашу просьбу?

– Да, – не отрываясь от чашки с супом, ответил капитан. – Он передал записку, – капитан был явно не в духе.

– Хорошо. Спасибо тебе, Сэм, – Уильям подтолкнул Джона.

– Спасибо, – испугано произнёс он.

Капитан опять покивал головой. Лекарь махнул рукой Уильяму, чтобы они ушли.

– Какие странные люди, – сказал Джон на улице.

– Да, – Уильям тоже был недоволен тем, как всё прошло.

– А можно узнать, как приплыл сюда корабль? На чём работают его двигатели? – любопытствовал молодой человек.

– Люди, которых ты видел, крутят его двигатель. Вот на этом он и работает.

Джон поморщился, не понимая, как это можно сделать. К вечеру суматоха с кораблём утихла, деревня погрузилась в тишину и в привычное спокойствие, а огни корабля растворились в тёмной воде. Джон с пристани наблюдал за ними, пока ночь не потеряла их в своей темноте. Эти огни были его надеждой на помощь в возвращении домой. Джон ещё долго стоял на морозном ветру, пока весь не продрог. Он смотрел в чистое тёмное небо, усеянное сверкающими звёздами, дышал чистым морским воздухом и наслаждался тишиной. Возвращаться в комнату он очень не хотел, тоска по дому снова подступила к нему, накрыв волной печали. Джону так захотелось домой, до такой боли сжалось его сердце, что он застонал. Слёзы сами собой полились по щекам, превращаясь в замёрзшие хрупкие льдинки. Джон вздохнул, стараясь успокоить своё сердце и душу.

Он и не заметил, как уже мороз пробрался под куртку и холодными руками пробежал по коже. Джон вздрогнул и поёжился от холода. Он нехотя вернулся в дом, где полным ходом шла уборка после гостей. Прямо с порога его укутал вкусный запах выпечки, ставший для Джона олицетворением дома.

– Иди скорее нам помоги, – позвали его женщины. – Быстрее уберём, да будем все пить вечерний чай с булочками.

Джон повесил свою тяжёлую куртку ближе к печи, чтобы она просохла после пристани, и погрузился в работу. Натирая столы еловым раствором и покрывая их чистыми скатертями, он поймал себя на мысли о том, что раньше такого он и делать не стал, а теперь ему даже нравится!

– Нельзя заниматься мужику женским делом, – громогласно сказал Уильям, он только что пришёл и застал Джона за «женской работой».

– Чего ты выдумал! Он хороший мальчик и помогает нам, – набросились на него женщины из кухни.

– А ну тихо! – крикнул Уильям. – Раскудахтались! Завтра на охоту с нами пойдёшь, – Уильям ткнул пальцем в сторону Джона, – а то совсем станешь как они.

– Как так? Я ещё не готов, – испугано сказал молодой человек. – Я не умею хорошо стрелять из лука.

– Научишься. Всё с опытом приходит.

Комната наполнялась людьми. Они рассаживались за столы, наливали в кружки чай и разговаривали. Шум голосов заполнил всё помещение. Он волнами перекачивался от одного стола к другому, на миг умолкал и снова наполнял всю комнату огромной волной разговоров. Это было так необычно для Джона видеть живое общение между людьми. В его времени почти всё общение заменил интернет. Людей было много, но каждый был одинок. Джон погрузился в печальные мысли и не заметил, как подошла к нему Анна.

– О чём задумался? – спросила девушка.

Джон испугано посмотрел на неё.

– Умеешь ты подкрадываться, – переводя дыхание, сказал он.

Анна засмеялась.

– Это ты сильно задумался. Пойдём, попьём чай с пирогами, – она потянула его за руку к столу, где сидел отец. – Так о чём ты задумался?

– О том, что завтра иду на охоту, – обманул Джон. Он не знал, как объяснить Анне всё о чём он думал сейчас.

– Папа, это правда?

Уильям покачал головой. Кусок пирога не давал ему сказать ни слова.

– Я никогда не убивал животных. Я за защиту вымирающих видов, – Джон пытался избежать завтрашнего мероприятия. – Я не знаю, как всё делать.

– Ничего! Все в первый раз боятся. Охота сделает из тебя мужчину, а то на этой кухне ты размяк совсем, – Уильям рассмеялся.

В эту ночь Джон уснул сразу и даже ни разу не проснулся от страшных снов. Напротив, ему снился уходящий вдаль по спокойному морю корабль и огромные птицы небесно-золотого оперения, парящие в небе. Ещё было совсем темно, когда его разбудил отец Анны.

– Вставай. Охота не ждёт. Солнечный день короткий. Нужно успеть до темноты вернуться домой.

Он с улыбкой смотрел на молодого человека. Джон встал с кровати, еле раскрывая глаза и совсем не понимая, что сейчас утро или ещё ночь. Уильям подтолкнул его к двери.

– Давай собирайся. Ждём тебя на завтрак.

Джон ещё немного постоял, окончательно просыпаясь. За столом его ждали пять человек. Они уже завтракали, когда к ним присоединился Джон.

– Куда пойдём? – спросил Тед. – Может на дальний край? Там прошлый раз мы оленя поймали.

– Ну не знаю, – Уильям задумался. – Может на южный склон?

– А что там? Кроме зайцев ничего нет! – ответил ему Адам.

Джон внимательно слушал, заталкивая в себя еду. Так рано вставать он не привык, и мозг его ещё спал.

– Ну всё! На выход, – Уильям стукнул по столу. – Джон, держись меня.

Молодой человек только тяжело вздохнул. Прихватив снаряжение, охотники двинулись в путь. Рассвет только забрезжил на горизонте, а отряд уже далеко позади оставил деревню. Мужчины шли быстрым шагом, весело и громко разговаривали, слегка подшучивая над новичком. Джон не принимал шутки как что—то обидное, он и сам смеялся над ними. Ближе к полудню охотники достигли земли дальнего края.

Перед Джоном предстала вся красота нетронутого человеком места. Белоснежные деревья утопали в сугробах, бескрайняя белая равнина тянулась до самого горизонта.

– Как жаль, что у меня нет фотоаппарата, – воскликнул Джон.

– Чего нет? – не понял Майкл.

– Такой штуки, которая делает фотографии, мгновенные рисунки, – попытался объяснить он Майклу, но остановился, понимая, что не сможет.

– Мгновенные рисунки? – мужчина удивлённо вскинул брови.

– Да! Мгновенные рисунки.

– Хватит болтать. Соблюдаем тишину, – приказал Уильям. – Там олень!

Джон увидел красивое животное с благородной осанкой и грацией. Олень, ничего не подозревая, вышел из лесного укрытия прямо к людям.

– Всем приготовиться. Джон, будь начеку.

И охота началась. Бедное животное, пытаясь спастись от смерти, металось по лесу в поисках укрытия, но люди упрямо бежали за ним. Ноги оленя увязали в снегу и практически не слушались его от продолжительного бега, а люди подходили всё ближе и ближе. Наконец стрела Майкла пронзила его шею, и олень упал, окрасив кровью белый снег.

– Ура! – закричал радостно Майкл, и Уильям одобрительно похлопал его по плечу.

Но не одни люди охотились за бедным животным. Привлечённые голосами и погоней, за процессом следили волки. Запах крови только разыграл их и без того зверский аппетит. Они злобно смотрели на людей и добычу, всё ещё прячась за деревьями. Джон краем глаза увидел движение и замер, встретив злобный взгляд, нацеленный на него.

– Волки! – прокричал кто—то из мужчин.

Охотники оказались окружены огромными хищниками. Свирепые звери злобно скалились и рычали, они явно показывали своё превосходство в этой ситуации и не хотели отдавать добычу людям.

– Что делать будем? – испугано спросил Джон.

– Держись за мной и охраняй оленя, – приказал Уильям.

Волки не собирались отступать, несмотря на то что людей было больше. Но добыча была важна и для одних, и для других.

– Убейте альфу, – сказал Джон. – Без него они не нападут.

– Ты что знаток волков?

– Нет. Я смотрел Дискавери.

– Опять непонятные слова. Лучше охраняй оленя, – разозлился Уильям.

Джон взял в руки нож. Всё внутри дрожало от страха, и руки тряслись без остановки. Он испугано смотрел на людей, стоящих спиной к нему и на волков, окруживших охотников. Словно по чьему—то приказу стая одновременно бросилась на людей. Только теперь Джон увидел, насколько эти волки были большие. Огромные размеры животных не укладывались у него в голове. «Волки должны быть гораздо меньше!» – чуть ли выкрикнул он. Ему почему—то вспомнился один из фильмов, где его любимый актёр сражался с волками. Чем закончился этот фильм, Джон не хотел вспоминать. Страх ещё сковывал его движения, но адреналин срывал скованность с сердца. Джон, приседая, топтался на месте возле добычи. Все остальные вели неравный бой с хищниками. В один миг над головой пронеслась тень ещё одного волка. Он ударил в спину Уильяма, и мужчина упал от неожиданности. Волк схватил его и стал трепать, словно куклу, пытаясь достать до шеи. Они скатились почти к самому берегу моря, подминая под себя ветки и мелкие кустарники. Уильям кричал от боли, терзающих его зубов. Защищаться мужчина просто не мог. Огромная туша давила на него сверху всей своей массой и не желала останавливаться. Отец Анны висел на волоске от смерти. Недолго думая, Джон с высоты склона прыгнул на спину волка, держа нож обеими руками. Адреналин захлестнул всё его сознание, сердце бешено колотилось, и глаза сосредоточились на цели. Джон упал на спину зверя и вонзил ему нож в голову. Чей—то крик потряс всю округу, и на миг воцарилась тишина. Джон услышал, как кровь пульсирует в его венах, и почувствовал её металлический привкус во рту. Он встал. В звенящей тишине было слышно, как падают капли крови с его ножа и утопают в густой шерсти поверженного волка.

– Джон, – сквозь звенящую тишину он услышал слабый голос Уильяма. – Джон!

Молодой человек пришёл в себя. Он освободил мужчину от тела и помог подняться. Весь в крови Уильям еле стоял на ногах, а ступив на правую ногу, сильно закричал от боли и снова упал.

– Что такое? – спросил Джон.

– Нога! – Уильям прикрыл глаза от боли, пронзившей всё его тело. – Я сказал тебе защищать нашу добычу. Иди к оленю, – строго крикнул он.

Джон поднялся по склону как раз вовремя. Ещё один хищник, вцепившись в тушу, пытался её унести. Джон крепко сжал нож и оскалил зубы. Хищник злобно зарычал и бросился на него. Стрела Оливера вовремя пронзила шею волка. Тяжёлое тело упало на Джона, сбив с ног всей своей массой, но не причинив вреда. Бой за добычу был окончен. Туши огромных волков лежали возле ног охотников.

– Ничего себе! – сказал Тед, переводя дыхание. – Это первый раз такое, чтобы волки нападали вот так.

– Значит, еды совсем нет. Вот и нападают.

– Нужно помочь Уильяму. Он, кажется, сломал ногу, – сказал Джон.

Спустившись к нему, он только подтвердил свою догадку. Джон вспомнил, как ломал ногу его друг, как врачи всё ему выравнивали, накладывали гипс, делали снимки. Он присутствовал при всём при этом и не отходил от своего друга ни на шаг. Это было очень давно в далёком, как ему сейчас казалось, детстве, когда Джон не был ещё таким высокомерным и самовлюблённым молодым человеком. Сама судьба готовила его к этому моменту, и Джон решил, что сможет всё исправить.

– У тебя сломана нога, – сказал он Уильяму. – Я тебе попытаюсь её выровнять и зафиксировать, но идти ты не сможешь.

– И что же нам делать? Ночевать в лесу? Нас порвут волки, – забеспокоились остальные охотники. – Скоро остальная стая будет здесь.

– Мы понесём его, – ответил Джон. – Снимите шкуры. Уложим на них Уильяма и оленя и понесём.

Джон обвёл всех взглядом.

– Чего стоим? – строго спросил он. – Шкуры сами себя не снимут, а идти нам далеко. Держите, – Джон протянул Уильяму небольшую толстую ветку.

– Зачем это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.